

ВОЗВРАЩЕНИЕ К "ИСТОКАМ"

О теоретическом запасе сообщества российских экономистов

В 1989 и 1990 гг. в издательстве "Экономика" вышли два выпуска ежегодника "Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли". В их создании принимали участие многие из редакционной коллегии настоящего выпуска. Позднее, в 1993—1996 гг., при поддержке Фонда Сороса выходил журнал переводов "THESIS", с помощью которого в широкий научный и педагогический оборот в России были введены многие классические статьи западных экономистов и социологов XX в.

Настоящее издание наследует и старым "Источкам" и "THESIS". Его программа - публиковать оригинальные статьи и переводы; переиздавать забытых отечественных классиков. Мы будем стремиться создать комплексный историко-экономический журнал, охватывающий также вопросы теории экономических институтов, экономической культуры и методологии экономической науки.

Почему оборвались старые "Истоки"? В отечественных историко-экономических исследованиях в первой половине 1990-х годов произошел своего рода разрыв постепенности. Многие (если не большинство) экономисты, работавшие с историческим материалом, отошли от него к более актуальной тематике. Высшая школа экономики в значительной степени была создана группой таких исследователей: Р.М. Энтов, Р.М. Нуреев, О.И. Ананьин, В.А. Мау, С.Б. Авдашева, Е.И. Королькова, автор этих строк и другие вышли из историко-экономической науки и оставили ее ради собственно теоретической работы. Но им на смену не пришли новые исследователи.

Новые "Истоки" готовятся к выпуску практически теми же людьми, что и старые. Многие из авторов возвращаются к историко-экономической проблематике после долгого перерыва. Почему мы это делаем? Ностальгия по научной молодости, бурному освоению нового, свободе широких обобщений после тщательного возделывания ограниченной делянки,

очевидно, имеют место. В конце концов, научные занятия есть форма самореализации личности: ученый не должен чувствовать себя закабаленным предметом своего изучения.

Однако есть и социальный контекст такого решения. Исследователь живет не в башне из слоновой кости, а в обществе себе подобных, в академическом сообществе. Грандиозные изменения социальной ткани последнего десятилетия раздробили, рассеяли старое академическое сообщество. Новое еще не образовалось, не отработаны критерии "гамбургского счета", по которым экономисты оценивают друг друга. Ряд таких критериев (скажем, количественный анализ и модельное мышление, основанное на функциональных зависимостях) элементарен, но трудно достижим для действующей генерации преподавателей и научных работников, воспитанных при советской власти. В то же время выпускники экономических факультетов последних лет практически лишены исследовательской культуры; баланс их интересов в самом знании и в его применении оказался нарушенным в пользу последнего.

Противостоять негативным тенденциям в развитии теоретической части экономической культуры может помочь возвращение исследователей и педагогов в широкий исторический контекст. Расширение фактографической базы (а история образует важнейшую часть фактографии экономической науки) и обогащение методологической базы есть единственное "терапевтическое" средство для восстановления критического отношения российских экономистов к действительности и ее теоретическим интерпретациям.

Актуализация истории. Триумф и трагедия "перестроечного" марксизма

Вторая половина 1980-х годов знаменовала начало перелома в экономической мысли бывшего Союза ССР. Марксистская парадигма в политической экономии, за долгие годы официального господства окостеневшая и ставшая частью политической религии, впервые за 70 лет заколебалась и стала давать трещины. Первое время размывание и оспаривание официальных догматов шло по линии историко-экономического анализа. Критика ортодоксального марксизма принимала форму его дополнения и расширения за счет более полного учета существовавших в истории фактов, тенденций и теоретических объяснений. Наступил короткий период обогащения марксистской парадигмы экономического анализа историко-экономическим (наряду со статистическим и социологическим) материалом, период формирования его новой фактографии.

Подъему интереса к истории поспособствовало обращение общества и власти к экономистам, "готовым говорить правду", - рыночникам 1960-70-х годов. Воспитанные на марксистской парадигме, эти ученые, однако, не соглашались на роль освященных и интерпретаторов разрабатываемой без них политики партийно-государственной верхушки СССР; их отличало пристальное внимание к фактическому состоянию экономики, возможностям повышения ее эффективности как на народнохозяйственном уровне, так и на уровне предприятия. В горбачевское время у руля власти или в роли ведущих экономических советников побывали А.Г. Аганбегян, Л.И. Абалкин, Н.Я. Петраков и другие лучшие представители советской академической науки.

Сегодня трудно однозначно определить, что послужило основной причиной неуспешности попыток "мягко" реформировать экономический механизм советской экономики: сопротивление среды, или теоретическая недостаточность марксистской традиции для анализа современной экономики, или, наконец, отсутствие адекватного историко-экономического материала для сравнений и обобщений (все исторические аналогии брались тогда, как правило, из времен нэпа). Важно, что обязательства, выданные советской экономической наукой, оказались непокрытыми, реформы безнадежно запоздали.

Следует отметить, что жесткое ядро марксистской политической экономии не претерпело изменений в результате "историко-экономической" и прочих фактографических модификаций. Экономическая теория второй половины 1980-х годов фокусировалась на отношениях собственности и интересах, она по-прежнему абсолютизировала роль трудового фактора в формировании стоимости, оставалась каузальной и нормативной по своей сути. Все это стимулировало экономистов скорее к поискам *должного* (справедливого, оптимального), чем *возможного* в конкретных хозяйственных обстоятельствах.

В то же время впервые в рамках советского академического сообщества началось именно изучение, а не заранее направленная критика, западных экономических теорий. Вплоть до начала 1990-х годов западные теории изучались с интересом, но отстраненно; их не соотносили с правильностью или ошибочностью марксистской традиции, они не конкурировали с соответствующими разделами марксистской политэкономии. Фактически, если брать не отдельных ученых, а положение в экономической науке в целом, освоение мирового теоретического наследия не продвинулось дальше, чем это было в 1970-х годах, когда в университетский курс политэкономии

профессором Н.И. Шехетом был вставлен раздел о теории конкуренции, эластичности спроса и предложения, а в преподавании математических методов анализа экономики достаточно широкое распространение получила теория СОФЭ. Причина - состояние академической культуры, т.е. культуры преподавания и анализа, массового советского преподавателя-экономиста и исследователя-экономиста.

Эта культура может быть охарактеризована следующими чертами:

- монообразование на базе всеобъемлющей марксистской традиции, создающее иллюзию законченности, достаточности имеющегося теоретического ядра и, следовательно, порождающее попытки дотраивать теорию на основе его экстенсивного развития;

- используемые теоретические модели имели качественный (каузальный) характер; они не были приспособлены (в отличие от моделей, построенных на функциональных зависимостях) к анализу количественных данных. Соответствующие навыки в академическом сообществе были развиты слабо. Более того, сама логика качественных моделей неявно подталкивала к нормативному мышлению;

- слабое знание иностранных языков (в первую очередь английского) и, как следствие, затрудненность коммуникаций с открывшимся международным научным сообществом. Подавляющее большинство отечественных экономистов могли работать только с переводной литературой.

Будучи откровенно слабой в анализе конкретных рынков и в моделировании текущих (инкрементальных) изменений на микро-, мезо- и макроуровнях, марксистская экономическая наука имела свои относительные преимущества в усваивании логики качественных изменений в экономике. Ее инструментарий включал достаточно глубокое описание экономических институтов, их структуры и динамики. Рассматривая институциональную динамику (структуру собственности и экономической власти) в качестве определяющего фактора экономического развития, марксисты имели возможность формулировать модели и прогнозы, исключительно важные для условий переходного периода, - модели качественных изменений в экономике.

Разумеется, это преимущество было лишь потенциальным. Для его реализации воспитанному на марксизме академическому сообществу нужно было иметь внутренние силы: во-первых, отказаться от догматики целого ряда окостеневших предпосылок своей теории, например, от трудовой теории стоимости, от гегелевской, по сути телеологической, картины исторического развития, объявлявшей "конечную точку" исторического развития предрешенной заранее; во-вторых, достроить свой теоретический аппарат за счет микро- и макроэкономической теории, моделирующей функциони-

рование и экстенсивное (инкрементальное) развитие экономики, и сопоставить его с историко-институциональным, по сути, "позитивным остатком" марксистского жесткого ядра; и, наконец, накопить достаточный объем историко-экономического материала, необходимого для "самокритики" марксистской теории.

Исторические исследования экономистов выступили одним из возможных путей эволюции академической культуры. Однако в силу ограничений господствующей теоретической культуры и интерес к истории был ограничен. Историки экономической мысли рассматривали по преимуществу эволюцию марксизма или близких к нему по исследовательской парадигме теорий. Огромный массив теоретического наследия, накопленный на Западе после маржиналистской революции, оставался в курсах истории экономической мысли лишь фоном, на котором шла борьба скорее социологических, чем экономических, теорий, начиная с Ф. Бастиа и П.Ж. Прудона и заканчивая теоретиками социального рыночного хозяйства и так же "идеологически" истолкованным М. Фридменом. Исследователи экономических учений по-прежнему видели в них лишь теоретическое отражение марксизма, т.е. обоснование того или иного способа распределения средств производства и продукта¹.

Коммуникационная ограниченность наших историков вела к преимущественному исследованию отечественной (русскоязычной) экономической истории и истории мысли. Это, в свою очередь, способствовало "окукливанию" исследовательского пространства.

Ограниченность и специфичность исследовательской программы экономических историков 1980-х годов уже через несколько лет привела к ее полной неостребованности. "Самокритики" марксизма не получилось. Критика извне, поддержанная общественным настроением, отождествляющим жесткое ядро марксизма с отвергнутым общественным строем, привела к массовому отказу от *всего* марксистского наследия.

Деактуализация истории. Период ученичества и опасность ремесленничества

Распад (скорее даже обвал) альтернативной рынку экономической и политической организации общества дал почву для укрепления теоретического ядра неоклассической экономической теории и социальной философии либерализма на Западе. Подвергавшиеся еще десятилетием

¹ Отсюда обостренное внимание отечественных курсов истории экономической мысли к таким авторам, как Е. Бем-Баверк и Дж.Б. Кларк, которые сосредоточивались на проблеме распределения.

раньше атакам со стороны общества и сомнению изнутри академического сообщества, эти школы закрепили свое господствующее положение, получив явное подтверждение ошибочности позиции своих прямых оппонентов (в лице ортодоксального марксизма) и менее явное - своих собственных прогностических возможностей. Впрочем, неоклассическая школа в целом эффективно распорядилась выигранным временем. После недолгого периода упоения достигнутым (1990-1992) основное течение стало активно расширять сферу своего анализа, включая в него институты и исторические процессы. Несмотря на значительное обеднение трактовок того и другого по сравнению с альтернативными теориями, неоклассическая экспансия стала позитивным явлением, так как она воссоздает более полную картину мира и формирует в потенции широкую базу для внутренней критики и обновления жесткого ядра этой теории.

По-другому развивались события в стане побежденных. "Конец истории" по Фукуяме был здесь воспринят буквально. Отечественное научно-педагогическое сообщество встало перед необходимостью заменить не какие-то части жесткого ядра господствовавшей теории, а само это ядро. Распад КПСС в 1991 г. привел к немедленному отказу от официальной марксистской парадигмы в науке и преподавании. Кафедры марксистско-ленинской политической экономии были переименованы в кафедры экономической теории, началось победное шествие западных курсов экономики по университетам страны. Закономерно, что это были вводные курсы, "очищенные" от методологии теоретического исследования и дискуссионных вопросов. Из них невозможно было понять внутреннюю логику экономической науки, механизмы ее развития.

Одновременно произошел массовый отток исследователей от исторической тематики. Все силы активной части академического сообщества были брошены на овладение основами мировой экономической теории и методиками ее преподавания. Сложность задачи усугублялась тем, что ломке подвергалась сама логика теоретического мышления: марксистская традиция была основана на причинно-следственных связях, осознанных в категориальной форме; западная экономическая наука в своем основном течении — на функциональных зависимостях, статистически улавливаемых и подтвержденных, представленных в математической, модельной форме.

Стремление "стать как люди" закрыло отечественным экономистам глаза на ограниченность, теоретическую недостаточность осваиваемых таким образом разделов науки. По сути дела, произошел повторный отрыв преподаваемой экономической теории от потребностей объяснения и прогноза реальных хозяйственных связей и процессов. Микроэкономическая

теория, основанная на молчаливой предпосылке нейтральности и стабильности рыночных институтов, давала неприемлемые погрешности при попытках предсказать ситуации на конкретных рынках². Макроэкономическая теория практически игнорировала слабо исследованные особенности развивающихся экономик с их нестандартной институциональной и культурной средой.

Произошло ли в российском академическом сообществе замещение марксистского жесткого ядра экономической теории на неоклассическое? Формально, по таким внешним признакам, как учебные программы вузовского образования, - да. Реально, по состоянию теоретической культуры преподавателей и научных работников, - нет. Не воспринята оказалась новая методология экономического анализа. Преподаватель или научный сотрудник, если он хочет являться членом академического сообщества, должен самостоятельно работать: участвовать в дискуссиях, читать профессиональную литературу и фактографические источники, наконец, вести собственные исследования. Профессор или доцент университета - в первую очередь исследователь. Он воспитывает исследователей. Введение в массовый педагогический оборот результатов чужого (и чуждого по своей структуре) знания поставило преподавательский корпус экономистов российских университетов, если судить по научному потенциалу, на одну доску с преподавателями техникумов или средних школ. Хуже того, многие российские преподаватели не имели необходимого "теоретического запаса" для нормального преподавания новых дисциплин; их уровень знания и понимания применяемых ими теоретических конструкций не превышал уровня слушателей.

Широкие программы переподготовки проблемы не сняли. Воспроизведение чужого теоретического результата без критического осмысления и развития стали подходящей почвой для расцвета ремесленничества в науке и преподавании.

Теоретический запас

Современное состояние российского сообщества экономистов можно охарактеризовать как слом старой культуры и освоение новой. Речь идет и о собственно теоретической культуре (*knowledge*) и о практическом

Может быть, единственным исключением стали организованные рынки, для исследования которых в 1994-1996 гг. были предложены сравнительно работоспособные методики анализа. Однако среднесрочное поведение инвесторов и игроков, практически целиком определяющееся внеэкономическими ожиданиями, оставалось "черным ящиком".

инструментарии экономиста, зачастую воспринимаемом им некритически (*skills*). В работе 1993 г. мною была предложена пирамидальная модель экономической культуры. В основании пирамиды лежит массовое экономическое сознание (система мотивации труда и потребления); центральную часть составляет культура людей, принимающих решения на уровне государства, а также государственных и частных структур (предприятий); вершина пирамиды - теоретическая культура (исследователи и преподаватели). Каждый "срез" пирамиды можно, в свою очередь, разделить на более мелкие составляющие: теоретическую культуру - на культуру исследователей и культуру преподавателей; экономическая культура людей, принимающих решения, включает экономическую культуру (а) менеджеров, (б) государственных бюрократов и (в) экономистов-исполнителей; экономистов-журналистов и экономистов-аналитиков тоже можно рассматривать с позиций экономической культуры. Массовая экономическая культура также может быть разделена на индивидуальную, потребительскую и т.д.³

Необходимо выработать подход к анализу вершины этой пирамиды - теоретической экономической культуры.

Носителями теоретической экономической культуры являются исследователи и преподаватели, а также - на непостоянной основе - студенты и аспиранты, изучающие экономическую науку. Их можно определить как Создающих, Закрепляющих и Усваивающих. При этом:

а) содержание и состояние теоретической экономической культуры определяют скорее Закрепляющие — их роль в переносе и наследовании идей и моделей явно центральная;

б) направление развития теоретической экономической культуры определяют научные лидеры, а состояние - основная масса членов академического сообщества. От их готовности усваивать и применять новые идеи и методы зависит, останутся ли последние лишь ярким пятном в истории теории или же отразятся на всем фронте исследовательской работы и, в конечном счете, на взаимодействии науки и общества.

По мере роста количества участников академической жизни, усложнения разделения труда мы все в большей степени должны говорить о массовой теоретической экономической культуре.

Разумеется, в теоретической экономической культуре присутствуют и оказывают существенное влияние на поведение членов академического

³ Kuzminov J. Transition to a market economy and the problems of changing the economic culture // European Economy. 1993. N 49. P. 217-237.

сообщества и практические навыки (в данном случае составляющие часть инструментария исследователя и педагога), и ценности. Однако системным отличием этого уровня экономической культуры является центральная роль теоретического знания. Науковедение и культуроведение сегодня существуют в значительной степени в двух параллельных мирах и слабо взаимодействуют друг с другом⁴.

Мы попытаемся на базе теории экономической культуры сформулировать инструментарий для анализа "слабых воздействий" на деятельность научных школ, которые порождаются "неактивными" слоями культуры академического сообщества.

Механизм воздействия ценностей на отбор целей и предпосылок исследователя (и имплицитно - на результат исследования) нашел определенное отражение в литературе⁵, и я не хочу здесь останавливаться на нем подробно. Отмечу только, что исследователя продолжает подстерегать опасность априорной идеологизации⁶, нисколько не уменьшившаяся от снятия официальной идеологической надстройки над общественными науками.

В отличие от ценностей накопленная академическим сообществом теоретическая культура еще не была предметом анализа; ее структура описана только в своей "активной части" ("жесткое ядро" и "защитный пояс" Лакатоша). Между тем в переходный период, когда одна структура жесткого ядра сменяется совершенно другой, начинает играть заметную роль "пассивная", незадействованная часть теоретической культуры экономистов.

Жесткое ядро - пустое или не освоено, подавляющая часть экономистов располагает лишь его внешней оболочкой, теоретическим результатом, который они вынуждены принимать на веру.

⁴Широко известной попыткой теоретического синтеза в какой-то мере являются концепции Т. Куна и И. Лакатоша. Т. Кун предложил концепцию развития науки как деятельности научных сообществ, выражающегося в господствующей парадигме - матрице предположений и аналитических инструментов (см.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975). Однако концепция Куна рассматривает только активное, операциональное теоретическое знание, игнорируя многочисленные "фоновые" слои культуры академического сообщества, воздействующие на эффективность его деятельности применительно к актуальным или социальным и внутренним задачам. Это же характеризует теорию "жесткого ядра" и "защитного пояса" И. Лакатоша (Lakatos) (см.: Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. М., 1978).

⁵ Я имею здесь в виду не грубую марксистскую традицию "социологизации" истории науки, а более изящные трактовки, предложенные в последнее время.

⁶ См.: Кузьминов Я.И. О вульгарных тенденциях в политической экономии // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 2. М., 1990. С. 432.

Жесткое ядро и окружающая его накопленная масса теоретических подходов явно недостаточны для содержательного анализа переходной экономики и формулирования реалистичного прогноза.

Оба этих состояния характерны сейчас для российского сообщества экономистов. И в том, и в другом случае возрастает роль содержимого кладовых теоретической культуры - теоретического запаса.

Под теоретическим запасом я предлагаю понимать аналитический инструментарий и систематизированный набор фактических и исторических данных, которыми исследователь располагает сверх того инструментария и тех данных, которые используются им непосредственно, операционально.

Теоретическая культура экономиста включает, таким образом, *операциональное знание* и *теоретический запас*. Теоретический запас, в свою очередь, делится на *потенциально операциональный* (знание бухгалтерского учета у микроэкономиста, экономической психологии у маркетолога, систем национальных счетов у специалиста по государственному регулированию) и *фоновый* (дающий основу для нестандартных теоретических решений, но не операциональный даже в потенции). Например, экономист, хорошо владеющий физикой, может операционально использовать свои знания в этой области, только став практикующим физиком, т.е. сменив профессию. Подобная ситуация могла быть представима только в эпоху Леонардо. Сегодня широкий универсализм невозможен из-за накопленной массы обязательного теоретического и инструментального знания в каждой области науки: переход предполагает глубокую человеческую ломку и длительный период доучивания. Поэтому фондовый теоретический запас имеет "любительский", или "пользовательский", характер: владеющий им исследователь использует либо наличные результаты (в качестве фактологической основы или ограничителей собственных теоретических построений), либо отдельные модели (пересаживая их на новую предметную почву).

Высокий уровень теоретического запаса позволяет академическому сообществу относительно безболезненно адаптироваться к изменившимся объектам исследования, с наименьшими издержками модифицировать структуру жесткого ядра теории или развивать ее защитный пояс. Напротив, ограниченность теоретического запаса делает сообщество невосприимчивым к изменениям, придает жесткому ядру хрупкость и ломкость. При повышенном внешнем давлении на такое сообщество, как мы это видели на рубеже 1980-90-х годов, оно оказывается не способным находить новые решения, сохраняя хотя бы часть накопленного теоретического знания.

Разумеется, советская экономическая наука поставила своеобразный рекорд теоретической замкнутости и андохоретства. В силу тоталитарного характера общественного строя у исследователей существовали даже специальные "идеологические" ограничители на формирование теоретического запаса. То, что мы испытываем сегодня, - это последствия слабого теоретического запаса. Но вот уже 7-8 лет российские экономисты заново накапливают проблемы на будущее, работая в рамках плоской, обедненной редакции экономической теории. Педагог или научный работник с низким теоретическим запасом способен только репродуцировать знания или механически применять готовые аналитические конструкции.

Можно предположить такую классификацию видов теоретического запаса академического сообщества экономистов:

1. Собственный, или базовый, теоретический запас включает инструментарий и выводы экономических наук и смежных социальных дисциплин (социологии, социальной психологии, менеджмента), а также математики и информатики;

2. Внешний теоретический запас - инструментарий и выводы дисциплин, не соприкасающихся прямо с экономической наукой (не обосновывающих ее предпосылок, методов или выводов). Набор таких дисциплин может быть случайным в зависимости от персонального культурного наследия и образования каждого исследователя, а может быть массовым, характерным для страны или поколения. Определяющим фактором здесь выступает система образования;

3. Фактографический теоретический запас - сумма располагаемых фактов и методов их приобретения и первичной обработки (классификации);

4. Исторический теоретический запас отличается от фактографического, ибо история всегда шире, чем сумма трактуемых ею фактов. Она включает также интерпретацию этих фактов - модель исторического развития и систему определяющих ее факторов.

Можно различать теоретический запас лидеров, обеспечивающий создание новых теоретических моделей, и теоретический запас основной группы академического сообщества, обеспечивающий освоение этих моделей, включение их в академическую рутину. Если уровень последнего качественно отличается, то можно ожидать существенной модификации воспроизводимой теории, "перевода на понятный язык". При этом модель полностью или частично выхолащивается. Классическим примером выступает "массовая" вульгаризация учения К. Маркса и Дж. Кейнса марксистами и кейнсианцами.

Каждый период развития экономической мысли характеризуется специфическим состоянием теоретического запаса основной массы членов академического сообщества. Я попробую сделать набросок этой картины, не претендуя на исчерпывающее или даже точное описание (для этого потребовались бы серьезные междисциплинарные исследования).

	Теоретический запас			
	собственный	внешний	фактогра- фический	исторический
Классическая политэкономия	Нет, точнее он не отличим от операционального знания	Натуральная философия	Данные торговых балансов и государственных бюджетов	Практически отсутствует: существует только совокупность случайных, недостоверных, тенденциозно подобранных фактов и мнений
Континентальные критики классической политэкономии		Сильно различается от страны к стране и <i>от</i> автора к автору	Фабричная статистика	Теория истории, сформировавшаяся под сильным влиянием гегельянства. Концепция все еще довлеет над фактами
Маржиналисты и неоклассики		Математика и психология (обе еще не вошли в круг смежных с экономикой наук)	Ценовая статистика	Первые попытки <i>научного</i> исторического исследования с критическим подходом к доказательствам. Формирование историографии и источниковедения. археологии дает возможность новой исторической школе в Германии создавать независимые от предвзятого мнения картины экономической жизни Средних веков. Тем самым фактически была заложена экономическая история
Критики неоклассиков		Право, социология, социальная ПСИХОЛОГИЯ	Судебная статистика, описание правовых конфликтов	Историческая социология и этнография. Наиболее важными для экономистов следует признать исследования характера и конкретных форм массового поведения в различных исторических обстоятельствах.

	Теоретический запас			
	собственный	внешний	фактографический	исторический
Критики неоклассиков	Нет, точнее он не отличим от операционального знания	Право, социология, социальная психология	Судебная статистика, описание правовых конфликтов	Падение интереса к истории у основной массы экономистов как результат профессионального разделения труда
Экономисты 1930-60-х годов	В результате возникновения основного течения и быстрого роста профессионального разделения труда впервые возникает проблема собственного теоретического запаса	Уменьшается: "внешние" науки быстро вытесняются собственным теоретическим запасом	Макроэкономическая статистика, социологические исследования	С одной стороны, расцвет классической экономической истории, дающей обширный материал для теоретического анализа; с другой, - последовательное "вымывание" любого исторического знания из экономического образования. Реальный исторический теоретический запас составляет 1-2% потенциального
Современные экономисты (основное течение)	Углубление профессионального разделения труда; собственный теоретический запас, в свою очередь, специализируется	Еще более уменьшается	Экспериментальные данные, точные и детальные "снимки" состояния организованных рынков, длинные ряды статистических наблюдений, данные включенных наблюдений	Новая экономическая история и история экономической политики возвращают историю в "элитарный" теоретический запас (приблизительно 5% экономистов). Массовый исторический теоретический запас по-прежнему минимален
Современные экономисты (постсоциалистический мир)	У части "новых" экономистов плохое знание математики, у части "старых" - ряда конкретных экономических дисциплин и менеджмента. В целом уровень собственного теоретического запаса скорее отрицательный - экономистам не хватает даже операциональных знаний	У "старых" экономистов невелик, у новых членов академического сообщества, рекрутированных из других наук, - высоко-специализирован соответственно "происхождению"	Низкий; неумение работать с фактическими данными и плохая обеспеченность этими данными	Массовое знание истории (на уровне основ и наличие исторического мышления) практически всеми членами академического сообщества. При этом - низкое качество исторического теоретического запаса, слабое владение фактурой

Как можно заметить, в каждый исторический период на первый план выдвигается тот или иной вид теоретического запаса, который актуализируется и формирует основу качественного развития жесткого ядра теории. Например, маржиналистская революция была обеспечена наличием у группы лидеров широкого теоретического запаса в виде знаний высшей математики и психологии (которые в XIX в. еще не входили в собственный теоретический запас экономистов), а закрепление ее результатов в научном сообществе - развитием фактологического теоретического запаса.

В то же время можно выделить три типичных случая последствий недостаточности теоретического запаса:

а) недостаточный теоретический запас лидеров - стагнация теоретической школы, "не замечающей" несоответствия ее положений реальности;

б) недостаточный теоретический запас массы - запаздывающая интернализация выдвинутых лидерами концепций, особенно в сферах преподавания и экономической политики;

в) недостаточный теоретический запас массы - вульгаризация выдвинутых лидерами теорий в процессе их освоения, выражающаяся в подгонке их под старый категориальный аппарат или заимствовании результатов, а не методов.

Основное течение и теоретический запас

Как уже отмечалось, основным элементом теоретического запаса экономистов (да и представителей любой другой науки) является *собственный* теоретический запас, основы которого закладываются при получении профессионального образования и пополняются в ходе профессиональной карьеры. Собственный теоретический запас потенциально операционален, но главное - он дает экономисту возможность проверять обоснованность результатов, полученных в ходе теоретического разделения труда, и, в конечном счете, критически оценивать состояние всей исследовательской программы (совокупности применяемых концепций), осознавая необходимость ее коррекции на уровне "мягких" и даже "жестких" концептуальных конструкций.

Собственный теоретический запас как массовое явление возникает, когда объем операционального теоретического знания выходит за рамки доступного (и необходимого) одному исследователю, другими словами, когда складывается профессиональное разделение труда, основанное на *доверительном обмене теоретическими результатами*⁷.

⁷ В.С. Автономов относит профессионализацию экономической науки к концу XIX - началу XX в. и отмечает, что она произошла на базе маржиналистской парадигмы (Автономов В.С. Предисловие к русскому изданию // Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994).

Собственный теоретический запас отделяется от операционального знания в результате формирования основного течения в экономической науке (*mainstream*). В *широком смысле* основное течение⁸ можно определить как совокупность нескольких признаков:

(а) научная школа, *метаязык* которой приняло международное научное сообщество. Часто это связано также с выдвиганием одного из национальных языков (у экономистов — английского) как средства профессиональной коммуникации;

(б) на основе принятия основных предпосылок "по умолчанию" возникает почва для разделения труда в профессиональном сообществе и экспоненциально растет объем внутреннего (профессионального) общения внутри научного сообщества, вытесняя или ограничивая внешнее общение;

(с) свойство воспроизводимости: структура принятой за основу теоретической концепции входит в учебники, ее представители контролируют большую часть профессиональных журналов и ассоциаций.

Вообще возникновение основного течения - явление для науки положительное. Оно *универсализирует достижения* всех (или подавляющего большинства) исследовательских групп: предохраняет сообщество от изнурительной и часто непродуктивной методологической полемики и от периодических изобретений велосипеда⁹, увеличивает масштаб разделения труда и позволяет исследовать не только общие принципы, но и детали экономического строя общества.

Собственный теоретический запас экономической науки качественно изменяется по мере развития основного течения: экспоненциально растет объем накопленного теоретического знания, укладываемого в рамки единых предпосылок. С одной стороны, это облегчает членам академического сообщества его освоение, с другой, - "выталкивает" альтернативные теоретические подходы за рамки действующего теоретического запаса.

Проявляется и растет тенденция специализации исследователей внутри основного течения. При этом вырисовывается *фундаментальная закономерность расширяющегося развития теории*: значимые для исследова-

⁸ Основное течение в узком смысле - это неоклассическая доктрина, основанная на предпосылках стабильности предпочтений, рациональности экономического поведения (модель рационального выбора) и стремления неограниченной извне экономической системы достичь равновесного состояния, а также на инструментарии измерения предельных (инкрементальных, непрерывных) изменений экономических показателей. В упрощенном виде неоклассики сводят многообразие экономических явлений к теории равновесной цены.

⁹Классический пример - независимое формулирование основ маржинализма Джевонсом, Вальрасом и Менгером без опоры друг на друга; еще один пример - Викселль и Кейнс.

телей общие методологические и теоретические предпосылки уходят "в фон" их анализа - воспринимаются как имплицитные и принимаются на веру без процедуры их оспаривания (проверки). Другими словами, собственный теоретический запас среднего "академиста" сокращается относительно "тела" накопленной теории. Такая же ситуация наблюдается по отношению к "внешнему", или широкому, теоретическому запасу: исследователи воспринимают и используют результаты смежных наук, а не их методы.

Возврат к истории: задача развития теоретического запаса

Я выделил бы две основные причины сегодняшней актуальности именно исторического теоретического запаса:

а) переходное состояние российской экономики. Ситуация перехода не рассматривалась достаточно полно ни одной социальной наукой. Каждая упускала что-то существенное. История, описывающая сам исторический процесс *в целом*, служит, таким образом, необходимым скрепляющим раствором для других видов профессионального знания;

б) традиционный (исследовательский) менталитет российских экономистов (их теоретическая культура) - нехватка фактографии, умения работать с информацией. Ее (нехватку) надо и возможно компенсировать двояко: (1) заново приобретать навыки работы с фактическим материалом; (2) максимально использовать *сильные стороны* постмарксистской теоретической культуры - возможность достаточно комплексного исторического понимания и анализа.

Новая теоретическая культура российских экономистов должна формироваться, "перешагнув" усваиваемую ими сейчас западную теоретическую культуру¹⁰. Ступенькой для такого "перешагивания" может послужить накопленный и потенциальный теоретический запас.

Потенциальный теоретический запас - математика. Российская средняя и высшая школа все еще лидирует в объеме и уровне математической подготовки. Новое поколение экономистов будет иметь исключительно хороший математический теоретический запас.

¹⁰ Последняя "застряла" на относительно статическом или, в лучшем случае, экстраполяционном видении экономики. Качественные изменения, характерные для развивающихся стран, находясь на периферии академического интереса. Это не означает, что нет попыток их теоретического исследования; просто выдвинутые на этот счет гипотезы не входят в объем обязательного знания, наследуемого всем академическим сообществом через образование.

Однако задача успешной операционализации этого запаса зависит от понимания сложности динамических процессов в экономике, а также факторов, определяющих экономическое поведение.

Это обстоятельство предопределило возрождение "Истоков" и расширение их тематики.

Задача новых "Истоков" - восстановление высокого уровня теоретического запаса российских экономистов в таких областях, как история экономической мысли, экономическая история, теория экономических институтов, теория экономической культуры и методология экономического анализа. Три последние темы непосредственно связаны с историко-экономическим знанием: это теория тех качественных изменений, которые описывает история.

Ниже предлагается краткая характеристика "предметных полей" нашего издания, к освоению которых предлагает обратиться редакционная коллегия.

Экономическая история

Новая экономическая история (клиометрика) предполагает эконометрическое исследование длинных исторических рядов показателей, существенных для экономического анализа. В России практикующих специалистов по новой экономической истории нет ни в лагере экономистов, ни в лагере историков. Наиболее заброшенная отрасль экономического анализа, она в то же время является одной из самых необходимых. Лишь младенческим состоянием российской экономической науки можно объяснить сегодняшнюю ситуацию. Для начала мы будем публиковать работы зарубежных авторов, многие из которых берут в качестве объекта исследования нашу страну.

Микроэкономическая история - это история институтов и микроэкономических показателей в их взаимодействии, которая может иллюстрировать или доказывать эффективность тех или иных институциональных механизмов в экономическом развитии.

История экономической политики наиболее традиционна для отечественной науки, хотя инструментарий ее необходимо значительно обновить.

История экономического анализа

В отличие от господствующей в мире традиции истории экономического анализа как истории развития его предпосылок, инструментов *per se*, российская традиция скорее придерживается социологического подхода к развитию научных школ, акцентируя моменты внешнего (социального) Давления на науку. Перед нами стоит тройственная задача.

Во-первых, освоить восходящие к Й. Шумпетеру принципы критической истории инструментария экономистов.

В последние десять лет на русский язык переведено несколько интересных курсов истории экономической науки, основанных на данной традиции. Это в первую очередь книги М. Блауга и Т. Негиши. Их работы (если надеяться, что они будут прочитаны) должны помочь преодолеть плоский, статический взгляд на постулаты преподаваемой сегодня в российских вузах экономической теории. Их слабая сторона - тяжелое изложение, к тому же эти книги требуют от читателя знакомства с первоисточниками. Мы, со своей стороны, будем продолжать публиковать в "Истоках" фундаментальный труд Й.А. Шумпетера "История экономического анализа". Хочется верить, что эта, сделавшая эпоху, работа сыграет в развитии отечественного академического сообщества такую же роль, что и опубликованная в 1960-х годах книга П. Самуэльсона.

Во-вторых, развивать отечественную традицию, избавив ее от вулгарного социологизма. В этом отношении "социологический" взгляд последователей Т. Куна и И. Лакатоша нуждается в "культурологическом" дополнении. Академическое сообщество как объект историко-экономического исследования должно быть рассмотрено с позиции его структуры и взаимоотношений между элементами этой структуры. Кроме того, необходимо отдельно изучить механизмы наследования теории и построенных на ее основе практических навыков работающих экономистов; механизмы "востребования" теоретической деятельности экономистов со стороны не-экономистов (общества).

В-третьих, публиковать классические работы, знаменовавшие собой определенные вехи развития экономической науки.

Теория экономических институтов

Сегодня под институционалистов "работает" значительное число авторов, не желающих продолжать считаться "чистыми" марксистами, т.е. демонстрирующих свое удаление от "ортодоксальной точки" советского марксизма, но не владеющих необходимым инструментарием экономического анализа. Это скорее мимикрия под старый институционализм, институционализм протестный, который был сосредоточен на критике основного течения экономической науки, а не на позитивном анализе. Мы будем в основном работать в рамках так называемого нового институционализма, "стыкующегося" с основным течением, хотя и претендующего на значительную корректировку господствующих предпосылок анализа. Это - анализ экономической эффективности различных институтов (устойчивых наборов правил поведения); анализ исторической динамики и преемственности институтов; анализ экономической логики (оптимальности, с

точки зрения субъектов с совпадающими интересами, и результата игры - взаимодействия - несовпадающих по интересам субъектов), лежащей в основе образования новых институтов.

Теория экономической культуры

Эта часть теории институтов связана с поведенческими, а не с формальными стереотипами (правилами игры). В отличие от институциональной теории, которая рассматривает правила игры с точки зрения порождаемых ими экономических издержек, теория культуры исследует процесс накопления и наследования самих этих стереотипов (правил).

Знания, навыки и ценности - основные составляющие стереотипов экономического поведения людей. Как мы определили, вершину пирамиды экономической культуры представляет теоретическая экономическая культура (узкая - в исследованиях, широкая, относительно массовая - в преподавании), середину—поведенческая культура лиц (а также советников таких лиц), принимающих обязательные для исполнения значительной группой людей решения в экономике, а основание - поведенческая культура потребителей и работников, а также индивидуальных инвесторов.

В западной исследовательской традиции существует тема корпоративной культуры. Последняя, как относительно обособленная форма экономической (в меньшей степени также технологической) культуры, определяет расширенную производственную функцию данной фирмы (т.е. ее эффективность). Здесь экономическая наука вплотную соприкасается (но не совпадает) с наукой управления. Понятно, что такой внутренний механизм формирования устойчивой культуры, как традиция, отсутствует или сломан на абсолютном большинстве отечественных предприятий (кризис теоретической экономической культуры - лишь частный случай этого явления). А между тем изучение факторов создания устойчивой экономической культуры на микро- и мезоуровне может привести к выводам, значимым для государственной экономической политики.

Методология экономического анализа

Эта область в какой-то мере обобщает все ранее перечисленные направления. Современная экономическая методология далеко ушла от стандартных характеристик предмета и метода науки, занимавших главу или параграф в начале каждого учебника. Теперь это самостоятельная область исследований, охватившая не только собственно теорию метода исследования, но также экономическую эпистемологию (теорию знания) и экономическую онтологию, имеющую дело с обобщенными представ-

лениями об экономической реальности, лежащими в основе любой исследовательской программы. Наконец, она исследует экономику не только как науку, но и как искусство - искусство применения экономических знаний в конкретных условиях *места* и времени.

Специальными объектами анализа экономистов-методологов наряду с тенденциями развития экономического знания стали также экономические тексты и виды экономических дискурсов, междисциплинарные связи и перенос методов и базовых онтологических метафор из других наук, институциональные структуры научного сообщества и стимулы научной деятельности.

Я.И. Кузьминов